

Безъ преувеличенія можно сказать, написала болѣе половины исторіи человѣческой семьи.

Между тѣмъ эгоизмъ, самолюбіе и нравственныя понятія до того способны обезобразить и извратить психологическія наблюденія, что мы изъ ненависти сдѣлали синонимъ порока или преступленія и почти никогда не сознаемся въ томъ, что испытываемъ это душевное ощущеніе, которое, между тѣмъ, относится къ самымъ естественнымъ и самымъ необходимымъ чувствамъ, свойственнымъ не только человѣку, но и животнымъ.

Когда существуютъ самыя краснорѣчивыя доказательства того, что мы ненавидимъ человѣка, мы выражаемся, что питаемъ къ нему невыразимую антипатію, или презрѣніе, или благородное негодованіе, и наконецъ начинаемъ утверждать, что добряки вовсе не могутъ и не должны ненавидѣть и что ненависть всегда есть *вина* или *грѣхъ*, смотря по тому, примѣняемъ ли мы къ ней критерій свѣтской нравственности или религіозной, которыя не всегда тождественны.

Дѣло науки—мужественно сорвать кору лицемѣрія, которою мы покрываемъ менѣе прекрасную часть нашей психологіи; а мы, жрецы науки, должны разоблачить дѣйствительную истину, даже еслибы она была очень непріятна для нашего тщеславія.

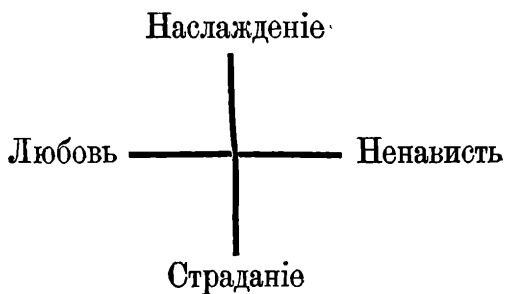
---

По нашему, *всякая сила, которая, въ слѣдствіе наклоненныхъ въ нашемъ мозгу ощущеній, стремится удалить насъ отъ личности или отъ вещи и доводитъ насъ до желанія вредить имъ, есть ненависть.*

И мы употребляемъ это слово, какъ самое простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое широкое, обнимающее всѣ

извѣстныя намъ формы центробѣжной силы, соотвѣтствующей центростремительному ощущенію страданія. Если слову *ненависть* придали нравственно отталкивающее понятіе, то это не наша вина, и не въ нашей власти создать новое и лучшее. Еслибы пришлось вычеркнуть изъ позитивной психологіи всѣ тѣ извращенныя и перевернутыя слова, которыя по сто разъ красились, починались и превращались въ безформенное тряпье, гдѣ нельзя было распознать ни первоначальной ткани, ни дѣйствительной краски,—то лучше всего было бы сразу сжечь наши словари.

Среди запутанной кучи психическихъ явленій, среди множества лабиринтовъ ощущенія и чувства мы на всѣхъ географическихъ картахъ, начерченныхъ тысячами философовъ всѣхъ временъ, всегда находимъ обозначенными слѣдующіе надежные и неизмѣнные полюсы:



и мы никогда не должны терять ихъ изъ виду во время труднаго и бурнаго психологическаго плаванія.

Точно также какъ всякое наслажденіе, доставленное намъ животнымъ или человѣкомъ, вызываетъ въ насъ чувство любви къ нему, такъ и причиняемое ими страданіе вызываетъ чувство ненависти. Любовь есть психическое видоизмѣненіе наслажденія, подобно тому какъ

ненависть есть психическій отвѣтъ на страданіе. И ненависть и любовь, какъ бы онѣ ни были противоположны, подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ распространенія, симпатіи и историческаго развитія.

Незначительныя пріятныя ощущенія вызываютъ легкія степени любви, точно также какъ незначительныя непріятныя ощущенія вызываютъ легкія степени ненависти. Безграничнымъ потребностямъ, жгучимъ желаніямъ соотвѣтствуетъ сильная любовь; величайшія же страданія вызываютъ гигантскую ненависть. Точно также бѣглыя ощущенія ведутъ къ слабымъ степенямъ любви и ненависти, а продолжительныя и повторяющіяся втеченіе долгаго времени ощущенія—къ интенсивнымъ. Это элементарный законъ физики, математическая формула, управляющая видоизмѣненіемъ силъ. Если незначительная причина, повидимому, вызываетъ непропорціальный результатъ, то это доказываетъ лишь, что мы не умѣемъ обращаться съ мѣрой и вѣсами; ибо въ равновѣсіи силъ ничто не теряется, и равенства, которыя не повторяются, изобличаютъ всегда ошибки нашего невѣжества.

---

При современномъ положеніи науки невозможно еще опредѣлить, составляютъ ли ненависть и любовь различныя силы или же стадіи одной и той же силы, и лишь гистологія и фізіологія мозга сумѣютъ въ грядущемъ разрѣшить эту замысловатую задачу. Однако въ настоящее время многое говоритъ въ пользу послѣдняго предположенія, какъ это, повидимому, доказано уже для наслажденія и страданія, которыя намъ однако кажутся не только различными, но прямо противоположными вещами.

Подобно тому какъ намъ знакомы ощущенія, смѣшанные изъ наслажденія и страданія (зудъ и меланхолія), мы имѣемъ также любовь, исполненную ненависти, и ненависть, исполненную любви. Женщины, столь богатая чувствомъ и столь подвижныя въ своей чувствительности, часто доказываютъ это, говоря, что онѣ любить и ненавидятъ возлюбленнаго, который плохо съ ними обращается или измѣняетъ имъ, и онѣ при этомъ не могутъ самимъ себѣ отдать отчета въ томъ, что преобладаетъ въ ихъ чувствѣ: ненависть или любовь.

Всякое оскорбленное чувство, каждая неудовлетворенная потребность развиваетъ въ насъ центробѣжную силу, заставляющую насъ отдаляться отъ вещи или отъ живаго существа, которое намъ причинило вредъ, даже болѣе—возвратить послѣднему причиненныя имъ страданія.

Мы можемъ также любить и ненавидѣть одушевленные предметы, но это ощущеніе лучше было-бы обозначить словами: *антипатія*, *отвращеніе* и т. п., сохранивъ слово «ненависть» только для живыхъ существъ, ибо лишь здѣсь ненависть вполне проявляется, заставляя насъ причинять страданіе тому, кто намъ доставилъ его; а кто не чувствуетъ, не можетъ и страдать.

← Ненависть—это одно изъ многочисленныхъ выраженій самозащиты, и каждый живой организмъ долженъ быть способенъ на нее. Змѣя, находясь еще въ утробѣ матери, имѣетъ уже ядъ; а зародышъ тюленя, брошенный на палубу корабля, дико ухватился зубами за палку, которою коснулись его.

---

Когда мы видимъ предъ собою живую протоплазму, мы должны предположить, что она способна наслаждаться и страдать, стало быть также любить и ненавидѣть. Амеба, реагирующая на ви́шнія воздѣйствія, должна испытывать удовольствіе при поглощеніи того, что можетъ питать ее, и ненависть ко всему тому, что причиняетъ ей страданія. Любовь—рефлекторная реакція, отвѣтъ на наслажденіе, подобно тому какъ ненависть—рефлекторная реакція, отвѣтъ на страданіе.

Поднимаясь отъ этого примитивнаго существа, отъ этого комка протоплазмы къ наиболѣе интеллигентнымъ и близкимъ къ намъ животнымъ, мы констатируемъ въ нихъ способность къ ненависти почти во всѣхъ присущихъ человѣку формахъ. Изучайте вашихъ собакъ и вы увидите, что онѣ способны на антипатію, злобу, презрѣніе, месть и жестокость. Что дѣйствительно присуще одному человѣку—это развѣ передача ненависти отъ поколѣнія къ поколѣнію и высшія формы ироніи, сатиры и т. п. Что-же касается національной ненависти, то она далеко не свойственна однимъ людямъ, потому что и муравьи ведутъ междоусобныя войны, а можетъ быть и многія другія общественныя животныя. Подъ обществомъ мы понимаемъ общность интересовъ, солидарность въ защитѣ и нападеніи. У животныхъ нѣтъ ни знаменъ, нимундировъ, но у нихъ несомнѣнно имѣются касты, націи и войны.

Отъ автоматизма жалящей змѣи и кусающагося тюленя; отъ ребенка, пускающаго кулаки въ ходъ, и дикаря, поднимающаго каменный топоръ надъ головою ненавистнаго ему человѣка, мы по безконечнымъ градаціямъ поднимаемся къ такимъ высокимъ, я готовъ даже сказать—возвышеннымъ формамъ ненависти, что

почти перестаемъ распознавать точку отправленія; и дикая, животная грубость автоматическаго акта исчезаетъ, чтобы дать мѣсто самымъ прекраснымъ формамъ человѣческой справедливости. Мы наблюдаемъ здѣсь, какъ простѣйшая центробѣжная сила утончается, усложняется и возвышается въ одно и то-же время, но при всемъ томъ это не болѣе, какъ видоизмѣненіе одной и той-же силы, повинующейся общимъ физическимъ законамъ.

Рука человѣка фабрикуетъ каменный топоръ и ружье Лебеля, но одно и то-же количество нервнаго и мышечнаго вещества превратилось въ два совершенно различныхъ орудія. — У трехъ человѣкъ одновременно украли по лошади. Одинъ изъ нихъ розыскиваетъ вора и убиваетъ его; другой, развалясь на мягкомъ диванѣ, съ величайшимъ удовольствіемъ читаетъ въ газетѣ слѣдующія слова: *воръ пойманъ и преданъ суду*; третій, наконецъ, поймавъ вора, ведетъ его въ свой домъ, читаетъ ему длинную нотацію и прощаетъ кражу.

Огромная пропасть отдѣляетъ перваго изъ этихъ субъектовъ отъ третьяго, и эта пропасть изображаетъ собою все историческое развитіе, превращающее кару возмездія въ героизмъ Евангелія и въ теоріи новой криминалистической школы. Но для позитивной психологіи равенство продолжаетъ существовать и произведенный трудъ всегда равенъ употребленной силѣ.

---

Фатальное неравенство, замѣченное нами между наслажденіемъ и страданіемъ, существуетъ также между любовью и ненавистью. Человѣкъ гораздо болѣе спосо-

бенъ страдать, чѣмъ наслаждаться, а потому мы легче можемъ ненавидѣть, чѣмъ любить.

Когда мы любимъ, мы ничего больше не въ состояніи дѣлать, какъ благославлять, обладать и отдаваться; въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ только мы можемъ отдавать свою жизнь для любящаго существа. Когда-же мы ненавидимъ, намъ недостаточно жизни ненавидимаго существа: мы желаемъ, чтобы оно умерло среди самыхъ жестокихъ мученій. Но намъ и этого мало: мы умерщвляемъ жену, дѣтей, родственниковъ оскорбившаго насъ человѣка, и если наше могущество и наша власть соотвѣтствуютъ силѣ нашей ненависти, то мы можемъ уничтожить цѣлый народъ, къ которому принадлежитъ ненавистный намъ человѣкъ. Человѣческая исторія въ гораздо большей степени написана кровью и слезами, чѣмъ ласками и улыбками. Сколько проклятій приходится на одинъ поцѣлуй, сколько преступленій — на одно благодѣяніе! Христіанская цивилизація усердно старалась уничтожить корни ненависти, культивируя и холя нѣжныя отростки любви; но какое неравновѣсіе существуетъ еще до сихъ поръ между чашками этихъ вѣсовъ добра и зла!

У дикихъ народовъ, гдѣ господствуетъ грубый автоматизмъ животныхъ инстинктовъ, ненависти принадлежитъ верховная власть, между тѣмъ какъ любовь скромно и боязливо прячется въ самыхъ сокровенныхъ уголкахъ человѣческой природы. У насъ любовь проповѣдуется въ храмѣ, въ школѣ, въ семьѣ; но какъ сильны еще въ насъ дурныя наклонности, какъ многочисленны атрофическія формы ненависти! Въ дѣлѣ реформъ мы чаще играли роль шлифовщиковъ, чѣмъ ортопедистовъ и гораздо чаще примѣняли палліативы.

чѣмъ радикальныя средства; а наша статистика преступности ужъ совѣмъ не можетъ служить доказательствомъ значительныхъ успѣховъ многочисленныхъ нравственныхъ книгъ и усовершенствованныхъ законовъ. Мы не вырвали у ненависти ни когтей, ни зубовъ, а удовлетворились округленіемъ когтей и очисткой зубовъ. Должно сознаться, что и у насъ ненависть продолжаетъ преобладать надъ любовью. Да вотъ хотя-бы война.

Если вы сообразите, сколько вниманія и средствъ мы удѣляемъ на вооруженіе страны и сколько на народное обученіе и на благотворительность, то вы будете имѣть предъ собою лучшее доказательство этого постыднаго и ужаснаго неравновѣсія между всемогуществомъ зла и безсиліемъ добра.

Наши словари богаче ругательствами и проклятіями, чѣмъ любезностями и ласками; ребенокъ раньше научается говорить *нѣтъ*, чѣмъ *да*; подростокъ расточаетъ больше ударовъ, чѣмъ поцѣлуевъ; а въ послѣднихъ словахъ завѣщанія умирающаго часто заключается ненависть, которая переживетъ его. Населеніе тюремъ значительно превосходитъ населеніе пріютовъ для несчастныхъ, и мы все еще имѣемъ болѣе оружейныхъ мастеровъ, чѣмъ врачей, и больше преступниковъ, чѣмъ благодѣтелей человѣчества. Грустная тайна заключается въ фактѣ, что, подобно тому какъ страданіе охватываетъ болѣе широкія области, чѣмъ наслажденіе, и ненависть обладаетъ болѣе богатымъ арсеналомъ, чѣмъ любовь.

---

Никакой микроскопъ, никакой реактивъ не можетъ сказать намъ въ настоящее время, въ чемъ заключается

матерьяльная разница между нервной клѣточкой, которая ненавидить, и такою, которая любить. При такомъ невѣденіи сущности процесса намъ приходится довольствоваться описаніемъ внѣшней части, проявленія того психическаго феномена, который мы называемъ ненавистью.

Не будучи знакомымъ съ внутренней природой какой-нибудь силы, мы все таки можемъ изучить, какъ и когда она развивается, сколько степеней она проходить, какіе эффекты она производитъ, какъ можно ее укрощать, направлять, видоизмѣнять. Точно такъ-же можно и должно поступить и съ ненавистью, которая въ человѣческомъ мірѣ относится къ наивысшимъ знакомымъ намъ силамъ.

---

Прежде всего, ненависть варьируетъ по степени и интенсивности. Измѣрьте взглядомъ огромное пространство, отдѣляющее невинное проклятіе, посылаемое антипатичному писателю при чтеніи его книги, отъ поступка Петра Великаго, посылающаго Шереметева для наказанія астраханскихъ мятежниковъ, требуя, чтобы ему были доставлены триста головъ наиболѣе провинившихся, — и вы съумѣете составить себѣ приблизительное понятіе о безграничной лѣстницѣ, обозначающей собою степени ненависти.

*Вѣчность страданія, но одна минута ненависти!* воскликнулъ одинъ великій писатель, которому присущи были бѣшенныя порывы негодованія. И дѣйствительно, ненависть заключаетъ въ себѣ такую глубокую и жгучую силу, что человѣкъ, чтобы дать ей свободу, можетъ пожертвовать собой, своей семьей, своимъ бо-

гатствомъ, своей честью и всѣмъ, чѣмъ владѣть, всѣмъ, къ чему стремится.

Въ своихъ слабыхъ степеняхъ ненависть такъ незамѣтна и поверхностна, что совершенно скрывается отъ насъ за другими сплетающимися психическими элементами. Существуютъ такія добродушныя натуры, которыя на величайшія оскорбленія отвѣчаютъ ласками и которыя, вмѣсто того чтобы ненавидѣть, плачутъ и сожальютъ,—отвѣтъ, на который способны лишь люди съ нѣжной и благородной душою. Эти рѣдкія, исключительныя личности вправѣ сказать о себѣ, что ненависть имъ незнакома. Однако эта совершенная неспособность ненавидѣть составляетъ такое рѣдкое явленіе, что можетъ считаться курьезомъ. Обыкновенно-же цивилизація и воспитаніе лишь преобразуютъ и смягчаютъ формы проявленія ненависти: насилие и грабежи уличныхъ грабителей, дикарей, васалловъ уступили мѣсто современнымъ *благороднымъ* войнамъ, а убійство приняло форму дуэли.

Что касается высшихъ степеней ненависти, то онѣ безконечны, и если намъ приходится ужасаться при видѣ какого-нибудь жестокаго проявленія ея, то мы тотчасъ-же за этимъ наталкиваемся на другое, болѣе жестокое, на слѣдующей страницѣ человѣческой исторіи. У кого хватитъ терпѣнія и мужества прочитать всю эту книгу, тотъ найдетъ здѣсь собраніе многочисленныхъ и краснорѣчивыхъ доказательствъ, какъ человекъ въ состояніи ненавидѣть.

---

Помимо различной интенсивности, ненависть имѣетъ различныя формы, и двѣ наиболѣе характерныя